

журнал
критики и литературоведения

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Май — Июнь 2018
Основан в 1957 году

Век минувший

Андрей Синявский и Владимир Максимов: к истории полемики

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-3-199-217

Елена Юрьевна Скарлыгина

кандидат филологических наук

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

(125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 9;

email: scarlygina@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена сложным взаимоотношениям редакторов двух важнейших журналов третьей волны русской эмиграции — В. Максимова («Континент») и А. Синявского («Синтаксис»). На основе переписки, хранящейся в архиве института Osteuropa при Бременском университете, делается вывод о том, что в этом конфликте были важны не только профессиональные или идеологические расхождения, но и личные мотивы. Кроме того, из переписки становится ясно, что третьей стороной в этом противостоянии был А. Солженицын, который предъявлял редактору «Континента» весьма строгие и жесткие требования, касавшиеся принципов ведения журнала.

Ключевые слова: В. Максимов, М. Розанова, А. Синявский, А. Солженицын, «Континент», «Синтаксис», третья волна русской эмиграции.

Статья поступила 04.09.2017.

Если в 1990-е годы третья волна эмиграции воспринималась в постсоветской России как совсем недавнее прошлое, которое еще трудно осмыслить в историческом ключе, то теперь минуло сорок лет со времени эмиграции И. Бродского, А. Синявского, А. Галича, В. Максимова, Ю. Мамлеева, В. Аксенова, В. Некрасова, Ф. Горенштейна, Г. Владимова, Н. Горбаневской и многих, многих других. Из тех, кто здесь назван, в живых нет уже никого. Наступает время не только осмысления, но и подведения итогов, пусть предварительных: что оставила после себя третья волна эмиграции, что привнесла она в русскую культуру? Чем был обусловлен раскол в среде литераторов-эмигрантов, покинувших советскую Россию в середине 1970-х — начале 1980-х годов?

Нам уже не раз доводилось высказываться на эту тему, в том числе и в журнале «Вопросы литературы»¹. Из статей последнего времени хотелось бы отметить обстоятельную и глубокую работу Ольги Матич «Литература Третьей волны: границы, идеология, язык» [Матич 2014]. Статья посвящена памяти Андрея Синявского и написана с большой любовью к этому автору. Последняя подглавка («Дiasпора: другие тела и скандал») начинается с фразы «Снова взглянем на Синявского как на путеводную звезду»: речь идет и об авторской игре, и об ostrанении советской жизни в текстах писателя, и о его стилистическом новаторстве. О. Матич подчеркивает, что роль и значение творчества А. Синявского все еще недооценены, и считает именно эту фигуру центральной для третьей волны русской эмиграции.

«Когда я писала эту статью, — подчеркивает автор, — я смогла полностью оценить вклад Синявского в постсталинскую русскую литературу и культуру, породивший такое множество литературных и культурных практик как в отечестве, так и за границей, как в его время, так и в будущем. Тут я не стану выяснять, почему его значение ка-

¹ См.: [Из архива... 2007; Skarlygina 2008; Skarlygina 2009; Skarlygina 2013].

жется недооцененным, но вопрос этот существует» [Матич 2014: 337].

Без преувеличения можно сказать, что О. Матич считает Синявского самым ярким писателем третьей волны русской эмиграции, внесшим огромный эстетический вклад в развитие русской литературы второй половины XX века.

Нам, в свою очередь, с трудом верится, что уже ушедшие в мир иной В. Аксенов, Ф. Горенштейн, Ю. Мамлеев, С. Довлатов, Г. Владимов или ныне живущие — Саша Соколов, В. Войнович, Э. Лимонов, С. Юрьенен — согласились бы с таким выводом. Но и не признавать новаторство А. Синявского в области формы, его яркую фантазию и внутреннюю свободу, свежесть и парадоксальность его суждений было бы странно.

Однако в обстоятельной работе О. Матич есть не только размышления о литературе третьей волны эмиграции, но и попытка объяснить, почему в этой среде произошел очень серьезный раскол, почему враждовали В. Максимов и А. Синявский, почему журналы «Континент» и «Синтаксис» представляли собой два противоборствующих лагеря. И в этих рассуждениях автора статьи нам видятся серьезные упрощения, готовность следовать той схеме, которую выстроили сами супруги Синявские в многочисленных интервью как в эмигрантской, так и в постсоветской российской печати.

Например, О. Матич утверждает:

Хотя главными принципами «Континента» были провозглашены безусловный религиозный идеализм, антитоталитаризм, демократизм и беспартийность, различия в политических и эстетических убеждениях, существовавшие между его первой редколлегией и между его авторами, — не говоря уже о самолюбиях и стилях, — быстро разрушили единство. Главная разделительная черта прошла между консервативной фракцией Солженицына—Максимова и демократической — Синявского. Если обобщать, то для первой творчество отождествлялось с абсолютным этическим императивом, что часто приводило к дидактическому морализаторству; вторая настаивала на первичности эстетической задачи и выступала

за политический либерализм. Увидев в деятельности «Континента» перерождение советской редакторской манеры, Синявский и Марья Розанова в 1978 году основали «Синтаксис», провозгласив эстетический и политический плюрализм; название журнала, в противовес «Континенту», предполагало ограниченную установку: на язык, стиль [Матич 2014: 325].

История конфликта между «Континентом» и «Синтаксисом» была предметом нашей подробной статьи, на которую О. Матич дает сноску на с. 326 [Скарлыгина 2011]. Действительно, А. Синявский, М. Розанова-Синявская и И. Голомшток участвовали в создании первых номеров «Континента», но затем вышли из состава редакции. Однако говорить о «перерождении советской редакторской манеры» в деятельности «Континента» по меньшей мере странно: вместе с В. Максимовым журнал много лет выпускали Н. Горбаневская и В. Бетаки, в редколлегию издания входили И. Бродский и Н. Коржавин, Э. Ионеско и М. Кундера, А. Шмеман и Э. Неизвестный. «Континент» был ведущим журналом третьей волны русской эмиграции, издавался ежеквартально, имел огромный авторитет и широкий круг читателей. Представители третьей волны эмиграции издавали еще целый ряд интересных и хорошо известных журналов — «Время и мы» В. Перельмана, «Стрелец» А. Глезера, «Эхо» В. Марамзина и В. Хвостенко, «22» Р. Нудельмана и А. Воронеля. Все это были издания демократической направленности, их редакторы не усматривали в деятельности В. Максимова проявлений «советской редакторской манеры» и охотно сотрудничали с ним. Нам представляется важным вернуться к причинам конфликта между «Континентом» и «Синтаксисом», опираясь в том числе и на переписку В. Максимова с А. Солженицыным.

По воспоминаниям М. Розановой-Синявской, 3 марта 1974 года (через два дня после вынужденной эмиграции) В. Максимов уже был в доме Синявских в предместье Парижа и сразу же сообщил: «Ну вот. Я начинаю издавать журнал. Есть деньги. Я приглашаю вас работать вместе. Мы издадим журнал под тремя именами: Вы, Андрей До-

натович, я и Пахман². Вот под тремя именами будет журнал» [*Литературные...* 1987: 43].

Журнал «Континент» начал выходить осенью 1974 года и впервые появился на книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне. Название было предложено Солженицыным и предполагало, что издание будет посвящено не только жизни в СССР, но и ситуации в странах Восточной Европы. Солженицын оказал существенную поддержку Максиму в период создания журнала: дал письмо-поручительство Акселю Шпрингеру — крупному немецкому медиамагнату, на средства которого и издавался в дальнейшем «Континент». Посылая приветствие первому номеру издания, Солженицын в частном письме Максиму от 1 июня 1974 года выражал осторожные сомнения:

Допускаю с возможной горечью, что пожелания мои не сбудутся: среди перечисленных Вами сотрудников есть такие, кто обещают суету, теребленье и эгоизм. Очень жаль, если задержают журнал (как третья эмиграция успеваеt уже в других местах), отведут его от крупного исторического шага [НА FSO...].

Первые четыре номера «Континента» были подготовлены при активном участии супругов Синявских, а также их друга Игоря Голомштока. Синявский под псевдонимом Абрам Терц опубликовал в журнале три критических очерка: «Литературный процесс в России» (1974, № 1), «Памяти павших: Аркадий Белинков» (1974, № 2), «Люди и звери» <О Г. Владимове> (1975, № 3). Статья «Литературный процесс в России» вызвала бурю негодования в среде русской эмиграции. Печально известное сопоставление «Россия-Мать, Россия-Сука» (возникшее в контексте разговора о вынужденном еврейском исходе из России) А. Синявскому-Терцу не простили уже никогда, а сам он реакцию эмигрантской среды на собственные

² *Людек Пахман* (1924–2003) — чехословацкий шахматист и правозащитник; в 1972 году эмигрировал в ФРГ.

тексты (прежде всего на «Прогулки с Пушкиным») назвал впоследствии «вторым судом над Абрамом Терцем». Максимов против публикаций Синявского в «Континенте» не имел никаких возражений, был настроен на плодотворное сотрудничество.

Вскоре после эмиграции из СССР в редколлегию «Континента» вошли Н. Коржавин и А. Галич, В. Буковский и Э. Неизвестный. Бессменным членом редколлегии на протяжении всех лет издания журнала оставался И. Бродский. В. Некрасов был заместителем главного редактора вплоть до 1982 года, затем на этом посту его сменила Н. Горбаневская. Всеми, кто имел отношение к изданию «Континента», владело ощущение общей чрезвычайно важной и судьбоносной задачи.

В 1975 году Максимов писал Р. Гулю от имени этого коллективного, сплоченного «мы»:

Поймите же наконец, многоуважаемый Роман Борисович. Наш журнал спокойно будет существовать самостоятельно, что бы о нем ни говорили в нынешней эмигрантской среде. Повторяю, у нас достаточно для этого авторитета внутри России (беззаветность Сахарова и шесть с половиной лет каторжных лагерей Синявского чего-нибудь да стоят!), а также профессиональной репутации (большинство из нас имеет серьезного и стабильного читателя, как на родине, так и за рубежом). Мы делаем журнал в основном не для эмиграции, а для России и Восточной Европы, и уже получаем огромное число откликов оттуда [*Из архива...* 2007: 321–322].

Тем не менее внутренний, межличностный конфликт в редакции постепенно назревал. 19 июля 1975 года Синявский в личном письме Максиму попросил об отставке и о добровольном выходе из редколлегии. Он объяснял это тем, что «никогда не был склонен к “общественной деятельности”», и участие в «Континенте» лишний раз доказало, что самому ему лучше держаться «островного» положения. Синявский настаивал на уходе и просил принять письмо как личное заявление, выражая вместе с тем надежду на сохранение дружеских отношений.

Днем позже Максимов отвечал Синявскому, что «весьма сожалеет» о его уходе, но принимает это добровольное

решение «к сведению и руководству». Настаивая на том, что издание «Континента» — дело историческое, Максимов сожалел, что расхождения возникли из-за «эмоциональных пустяков». Под этим эвфемизмом скрывался конфликт между Максимовым и М. Розановой. В том же письме от 20 июля 1975 года редактор «Континента» подчеркивал:

При всем моем высоком уважении к Марии Васильевне я не могу допустить, чтобы какой-либо из сотрудников журнала мог навязывать последнему свою волю. Если Вы внимательно проанализируете все конфликты внутри «Континента» за этот год, Вы неминуемо придете к выводу, что все они вытекают из химер, которые то и дело возникают в слишком эмоциональном воображении Вашей жены [Скарлыгина 2011: 552].

Отвечая Максиму 21 июля 1975 года, Синявский вставал на защиту М. Розановой и выражал надежду на то, что в личной сфере ему и Максиму «удастся сблечь тот добрый контакт, который наметился». «Так что, вероятно, на этой (вне редколлегии) — человеческой, писательской скамеечке мы еще сойдемся и посидим» [Скарлыгина 2011: 553], — заканчивал письмо Андрей Донатович.

Непосредственной причиной ухода Синявского из «Континента» послужило, вероятно, то, что Максимов твердо решил оставить за ним в журнале только литературную критику. В письме Солженицыну от 28 июня 1975 года (за месяц до добровольной отставки Синявского), сообщая о выходе четвертого номера издания и перечисляя содержимое редакционного портфеля, Максимов касался вопроса об отношениях с Синявскими. Характеризуя эти отношения как весьма сложные и конфликтные, Максимов подчеркивал:

Единственное, что в моих силах, это посылить изолировать чету С. от «континентальных» дел. В связи с этим ответственным секретарем журнала назначен известный вам по статьям Евгений Терновский, корреспондентом в Израиле Мелик Агурский, а самому А. Д. отведен строго ограниченный участок —

литературоведение. В результате всех этих мер я надеюсь перекрыть всякую утечку информации из журнала, а также полностью нейтрализовать вышеозначенную пару в идейном смысле [НА FSO...].

Добровольно покинув редакцию «Континента», Синявский полностью прекращает сотрудничество с этим изданием. Статью «Театр Галича», уже прочитанную и одобренную Максимовым, он публикует под именем Терц в журнале В. Перельмана «Время и мы» (1976, № 14). С 1978 года Синявские начинают издавать в Париже свой частный журнал «публицистики, критики, полемики» — «Синтаксис». Подчеркнем, что это безгонорарное (в отличие от «Континента») издание, которое выходит на личные средства Синявских и печатается на типографском станке, установленном в их частном доме.

В 1979 году Андрей Синявский, отвечая на вопрос «Русской мысли», чем было вызвано создание «Синтаксиса», пояснял:

Ощущением невозможности выразить какие-то идеи, мысли, стили в рамках современной эмигрантской периодики. Мы столкнулись с каким-то подобием цензуры — конечно, не в советских масштабах, но тем не менее — с цензурой: о том-то нельзя писать или надо писать не так. Столкнулись с некоторой, своего рода, партийностью. И вот захотелось создать скромный журнал, ставящий задачу дополнения других журналов [*Цели...* 1979].

Среди заметных событий и вех, повлекших за собой дальнейшее осложнение отношений между Синявскими и Максимовым, следует назвать появление в печати памфлета Максимова «Сага о носорогах» («Континент», № 19) и три резко критических отзыва, опубликованных в «Синтаксисе» (№ 5), — статьи Е. Эткинда, Б. Шрагина и Л. Копелева. Этого сюжета, разумеется, касается и О. Матич в уже названной нами статье: текст «Саги» представляется ей ярким проявлением авторитарных устремлений Максимова, но она умалчивает о крайне резком, оскорбительном тоне ответных статей, появившихся в «Синтаксисе».

12 июля 1979 года «Русская мысль» поместила изложение интервью Сиявского газете «Монд», которое появилось чуть ранее, 7 июля. «Сагу о носорогах» писатель расценил как «очень болезненную вещь, возмущившую старых и новых эмигрантов». Сиявский был задет «тоном этой вещи, ее нетерпимостью», выпадами против ряда западных либералов. Далее писатель утверждал, что именно из-за подобных настроений он и прекратил свое сотрудничество с журналом «Континент».

Насколько с годами отношения между Максимовым и супругами Сиявскими ожесточились, видно из так называемого «двойного» интервью, взятого у противоборствующих сторон Дж. Глэдом в 1986 году, семь лет спустя. Сформулировав принципиальное положение о том, что «антизападничество в современных условиях для России — это значит антикультура», Сиявский весьма резко высказался о Максимове:

Знаете, в отличие от Солженицына, у него нет четкой программы. Он, конечно, по складу ближе к этому националистическому, авторитарному, что ли, направлению. Но он может менять взгляды в зависимости от конъюнктуры. Александр Исаевич Солженицын — это теоретик, это идеолог, это писатель определенного направления, с идеями, которым он не изменит. А Максимов, я бы сказал, — организатор, которому важно подчинение. Поэтому Максимов, извините за резкое слово, для меня организатор некой как бы мафии, построенной на деньгах, на угрозах и одновременно, казалось бы, на хорошем чувстве — на желании, чтоб все русские сплотились вокруг какой-то фигуры. И поэтому Максимов выражается чуть ли не матерно в своих произведениях, подкупает, перекупает. Но споры с Максимовым — это скорее споры местного значения, а не широкого исторического плана, как это получается с Солженицыным [*Антизападничество...* 1986: 149].

Вплоть до начала 1990-х годов конфликт между «Континентом» и «Синтаксисом» стал основой раскола третьей волны русской эмиграции на два непримиримых лагеря: консервативно-почвеннический и либерально-демократический (при всей условности и приблизительности этих оп-

ределений). Те, кто на родине убежденно и сообща боролись против тоталитарного строя, против «софьи власьевны» и «галины борисовны», в эмиграции нередко становились противниками. Взгляды на русскую историю, на роль православия в развитии страны, на будущее России у представителей этих противоборствующих сторон, действительно, принципиально различались. Ни о каком единстве третьей волны, особенно в ее политическом изводе, не могло быть и речи. Однако необходимость борьбы за освобождение России от тоталитарного коммунистического режима признавали в равной мере все: от Солженицына и Максимова — до В. Чалидзе, П. Литвинова, Б. Шрагина и К. Любарского.

Этот конфликт, означавший раскол внутри диссидентского движения, осложнялся и усугублялся весьма ожесточенной полемикой между Синявским и Солженицыным. Принципиально важные публицистические работы Солженицына — «Образованщина» (1974), «Гарвардская речь» (1978), содержащая открытую критику западных общественных институтов и демократических ценностей, полемическая статья «Наши плюралисты» (1982) — способствовали резкому обострению этой полемики. Как известно, Андрей Донатович довольно подробно обосновал и сформулировал свои расхождения с Александром Исаевичем в статьях «Солженицын как устроитель нового единомыслия» (1985) и «Чтение в сердцах» (1987), опубликованных на страницах «Синтаксиса». Кроме того, Синявский решительно отвергал идеологическую составляющую писательского творчества, отстаивал артистическое начало в искусстве, художественный поиск и эксперимент. Солженицыну же было ближе учительное, проповедническое начало в русской литературе, ее нравственная составляющая. Творческая манера Синявского-Терца оставалась для него глубоко чуждой, книгу «Прогулки с Пушкиным» Солженицын не принял. О. Матич справедливо отмечает, что эта книга оказалась чуждой не только Р. Гулю и первой волне эмиграции. «Многие представители третьей волны, в первую очередь Солженицын, моралист на страже священных русских мифов, тоже были возмущены» [Матич 2014: 321].

В среде третьей эмиграции, особенно в кругу авторов журнала «Синтаксис», бытовала шутка о «Парижском об-

коме» и «Вермонтском ЦК». Подразумевалось, что Максимов постоянно получает указания Солженицына и четко их выполняет. Но в реальности дело обстояло намного сложнее. Максимов относился к Солженицыну с большим пиететом и очень хотел, чтобы Александр Исаевич стал постоянным автором «Континента». Солженицын же после нескольких публикаций в первых номерах журнала не только прекратил сотрудничество с этим изданием, но и прямо высказывал редактору свои претензии и недовольство. «Континент» не вполне оправдал его надежды, духовно близким Солженицыну оставалось другое издание — «Вестник РХД».

15 декабря 1978 года, формулируя претензии к Максиму-редактору, Солженицын писал:

По отношению собственно к России, ее прошлому и будущему, журнал часто равнодушен, а иногда и враждебен <...> Одного за другим Вы выпускали на подмостки русоненавистников, начиная со знаменитой синявской «суки», от которой журнал публично так никогда и не отмылся. Не перечисляю всех, разных Лосевых, но вершиной их — ядовитый Янов, по поводу которого Вы обещали дискуссию, да что-то никто не нашелся [НА FSO...].

В письме от 28 января 1979 года Солженицын упрекал Максимова в том, что в «Континенте» «общий воздух какой-то — без боли за Россию». Признавая, что «внешних трудностей» Максимова в издании «Континента» и проблем с реакцией на журнал со стороны леволиберальной общественности он «почти не знает», Солженицын подчеркивал:

А вот с Синявским Вы сами виноваты: Вы вовремя не сделали резкого движения отграничения, а такое движение всегда очищает, он во многом вырос именно благодаря «Континенту» и Вам [НА FSO...].

Солженицын не раз признавал, что восточноевропейское направление в «Континенте» удалось и что «противобольшевицкую линию Максимов выдерживал вполне»

(об этом можно прочесть и в мемуарных «очерках изгнания» «Угодило зернышко промеж двух жерновов») [Солженицын 1998: 87]. Однако разработки именно русской темы, проблем русской истории Солженицыну в журнале постоянно не хватало, и в этом отношении редактор «Континента» его весьма разочаровывал. В письме от 12 марта 1979 года Солженицын пояснял Максимову:

Не склоняю Вас к тому, чтобы тема России была ведущей, — но когда уж касается ее — то чтоб это было и сильно и достойно! Не скрою от Вас, что нищета и физическая гибель, и духовное развращение России болят во мне больше, чем победное движение коммунизма сквозь болванный мир — поэтому большей всего воспринимаю, когда русские авторы или редакторы облыгают Россию. Пусть Синявский смеет писать, что русский народ — навоз (это едва прикрыто сказано в «Синтаксисе» № 2, я его в руках не держал, но по Би-Би-Си он хватался статьей: уподобимся навозным жукам и будем иметь дело с тем материалом, который единственно есть, — да и статья-то очевидно все того же Янова, только под псевдонимом, бездарно выбранным). Но, о, если бы (выражаю и чувства моих друзей в России) в «Континенте» не было по крайней мере пинков России. А они — бывают [НА FSO...].

Далее Солженицын вновь высказывал недовольство тем, что в «Континенте» была опубликована работа А. Янова «Комплекс Грозного» (1976, № 9, 10), извращающая русскую историю, и что за два года никто на страницах журнала не ответил этому автору по существу. Теперь же, когда в распоряжении редакции есть обстоятельная и глубокая статья Б. Парамонова, ее публикация по непонятным причинам задерживается, а текст подвергается сокращению (статья Б. Парамонова «Парадоксы и комплексы Александра Янова» была опубликована в «Континенте», 1979, № 20).

У нас нет возможности проверить, что именно сказал Синявский в своем выступлении на Би-би-си, но обратимся к № 2 «Синтаксиса». Здесь и близко нет высказывания Синявского, хоть как-то напоминающего сентенцию о том, что «русский народ — навоз». Что же есть? В разделе «Современные проблемы» под псевдонимом Л. Ладов опубли-

кована статья «Несколько мыслей о России, спровоцированных современными “славянофилами”». Эти заметки сопровождаются комментарием Синявского «Называя имена», в котором он размышляет об антисемитизме в СССР и об опасности развития фашистских идей на русской почве. В частности, он называет одну из разновидностей такой идеологии — «православный фашизм»:

Должен признаться, на мой субъективный взгляд и вкус, этот «православный фашизм» наиболее опасен, и само сочетание — Православия с тоталитарной властью под христианскими знаменами (или подмена Государства — Церковью, Теократией) сулит надругательство, какое на Руси нам и не снилось. Заранее можно представить: победы эти идеи, и мы получим еще одно кровавое и пародийное Царство Божие на земле, каким уже был для нас Марксов «социал-коммунизм»... Только страшнее, кошунственнее — оттого, что на сей раз это сделать обещают именем Христовым (запятнав), собирая под слепые хоругви толпы изголодавшихся по вере и по крови подвижников, Церковь обратив (Церковь!) в новый тюремный застенек... [Синявский 1978: 58]

Разумеется, такого рода опасения Синявского могли вызвать у Солженицына только гнев и раздражение, поскольку он совершенно искренне считал и утверждал (исходя из собственного мировоззрения и веры), что в России медленно, но неуклонно, вопреки гонениям на церковь, началось возрождение православия и что этот процесс целителен для духовной жизни страны.

Как известно, Синявский в восприятии Солженицына был убежденным «руссофобом» (термин, широко вошедший ныне в политический лексикон). Его имя дважды упомянуто в отрицательном смысле в статье «Наши плюралисты». С нескрываемым раздражением, порой в язвительных тонах пишет о нем Солженицын и в мемуарных «очерках изгнания» «Угодило зернышко промеж двух жерновов». Это действительно были убежденные идейные противники, и конфликт между Солженицыным и Синявским — один из основополагающих в истории третьей волны русской эмиграции.

Максимова же Солженицын воспринимал, безусловно, как союзника, но недостаточно последовательного. В июне 1979 года — очень трудный для Максимова период, когда тот выдерживал жесткие критические атаки в связи с публикацией «Саги о носорогах», когда либеральная и коммунистическая печать Запада восстала против него, — Солженицын вновь отправил редактору «Континента» письмо, полное упреков:

Твардовский сказал как-то: «Идти на костер — только за дело бы, а не зря». В некотором смысле это относится к Вам, дорогой Владимир Емельянович! Я знаю, что Вам сейчас трудно, враги лютуют (и мое жесткое письмо попадет не на легкую Вашу минуту) — у Вас много ненавистников — но за что? За какое великое дело Вы перед ними страдаете? Страдали бы за правду своего народа — так несколько бы и не жалко. Ненависть к Вам льется за Вашу собственную — острую и непримиримую, позицию в западных делах. В значительной мере и журнал держит этот фронт. Но — Россия? Но Россия провалилась, а ведь в ней — ключ к мировому будущему [НА FSO...].

22 июля 1979 года, получив текст интервью Синявского, опубликованного в газете «Монд» (от 07.07.1979), Солженицын настаивает на том, что редактору «Континента» нельзя далее отмалчиваться и нужно непременно отвечать. При этом он подчеркивает, что у Синявского, в отличие от Максимова, «довольно складный» идейный фронт, который «имеет множество союзников на Западе».

Последовательной борьбой против коммунизма Вы лишаетесь всех «прогрессивных» на Западе, — поясняет Солженицын, — но и поддержки русских национальных сил Вы тоже не имеете, и не из-за «осторожной линии в российском вопросе», как Вы пишете, но потому, что Ваши собственные чувства к России — не имеют выхода на страницы «Континента», — о чем, собственно, и спор наш во всех письмах: нет там русского настроения, духа, истории, поисков будущего. А это сейчас чрезвычайно принципиально и актуально, поскольку все направление западных критиков и их помощни-

ков (Синявского, Янова, Эткинда, Симеса, Рабата, Шрагина и многих, многих): более или менее тактично вызволить коммунизм из г...на и затолкать туда Россию. Именно оттого, что Вы за 20 номеров не продвинулись тут, я и вынужден: любя Вас, сторониться «Континента» (в первых номерах я Вам пособлял) [НА FSO...].

Отвечая Солженицыну, Максимов просил о реальной поддержке:

Вот уже шестой год я тщетно взываю о помощи к национально мыслящей русской интеллигенции, а в ответ получаю только советы по поводу того, как делать журнал и каким он должен быть, или перепечатки с профессорского плеча господ красновых (имеется в виду публикация в № 3/1978 «Континента» статьи Вл. Краснова «Русский склад ума или западное состояние умов?». — *Е. С.*): на, мол, тебе Боже, что нам уже не гоже! А ведь положение мое становится день ото дня все невыносимее, так помогите же! <...> Именно потому, что я русский, именно потому, что Россия моя любовь и боль, именно потому, что не изменяю этой любви ни в чем и никогда, я всего за один свой день на Западе испытываю на себе столько злобы и ненависти, сколько не испытал за сорок три года жизни у себя на родине, даже с учетом моей, далеко не сладкой биографии [НА FSO...].

Какие бы претензии ни предъявлял Солженицын, «Континент» под руководством Максимова, безусловно, состоялся как наиболее профессиональное и авторитетное издание третьей волны эмиграции. Вплоть до 1992 года он регулярно, раз в квартал, выходил в Париже и стал делом всей жизни Владимира Максимова.

Вместе с тем и маленький частный журнал «Синтаксис» сыграл очень важную роль и вошел в историю русской культуры XX века. Сегодня очевидно, что полемика между изданиями, раскол в писательской среде свидетельствовали о насыщенной литературной и политической жизни третьей волны русской эмиграции.

Однако эта полемика, к сожалению, не раз переходила на личности. В частности, Максимов поддерживал обвине-

ния в адрес супругов Синявских о сотрудничестве с КГБ, основанные на домыслах и слухах. Циркулирование таких слухов усилилось в эмигрантской среде в связи с появлением в израильском журнале «22» (1986, № 48) воспоминаний С. Хмельницкого «Из чрева китова». Даже в момент переезда «Континента» в Россию Максимов (передавая журнал И. Виноградову) в последнем номере, подписанном им как редактором (1992, № 71), вновь выступил с обвинениями в адрес Синявского и перепечатал текст С. Хмельницкого — теперь уже специально для российского читателя. Однако вскоре ему пришлось публично извиняться.

В № 34 (1994) «Синтаксиса» было опубликовано «Заявление для печати» Максимова: в связи с открывшимся доступом к архивным материалам Лубянки он просил прощения за то, что подозревал Синявских «в вольных или невольных связях с КГБ» и публично высказывал такие подозрения.

Примирению предшествовала еще одна веская причина: супруги Синявские и Максимов, как известно, резко отрицательно отнеслись к обстрелу российского Парламента в Москве 3—4 октября 1993 года, не приняли официальной версии событий и позиции, занятой Б. Ельциным. В «Независимой газете» от 16 октября 1993 года П. Егидес, В. Максимов и А. Синявский выступили со статьей «Под сень надежную закона...», которая стала своего рода ответом на «Письмо сорока двух» известных литераторов (опубликованное в «Известиях» 5 октября 1993 года). И если российская либерально-демократическая общественность призывала Б. Ельцина к самым жестким и решительным действиям по отношению к оппозиции, то авторы обращения «Под сень надежную закона...» были твердо убеждены в том, что президент, повинный в гибели мирных граждан, должен покинуть свой пост: «Только отставка. Монастырь. Грехи замаливать».

И еще, — подчеркивали они, — откуда появилось это странное убеждение, что демократия — это Ельцин и ничего, кроме Ельцина? Живут себе народы разных стран, Франция, скажем, или Германия, без всякого Ельцина, но вполне при демократии... И опять же — без президентов демократии быва-

ют, а вот без парламента, без независимого суда, без свободы печати и неприкосновенности личности — нет [Егидес и др. 1993].

Так Андрей Синявский и Владимир Максимов в ситуации исторического выбора новой России вновь оказались диссидентами и оставались ими теперь уже до конца своих дней.

Литература

Антизападничество в современных условиях — это антикультура. Интервью профессора Джона Глэда с писателем Андреем Синявским и редактором журнала «Синтаксис» Марией Розановой // *Время и мы*. 1986. № 88. С. 144—167.

Егидес П., Максимов В., Синявский А. «Под сень надежную закона...» // *Независимая газета*. 1993. 16 октября.

Из архива журнала «Континент» / Вступ. заметка, публ. и коммент. Е. Скарлыгиной // *Вопросы литературы*. 2007. № 2. С. 307—337.

Литературные встречи. Интервью с А. Синявским и М. Розановой // *Стрелец*. 1987. № 11. С. 43.

Матич О. Литература Третьей волны: границы, идеология, язык // *Новое литературное обозрение*. 2014. № 3 (127). С. 313—338.

Синявский А. Называя имена (комментарий) // *Синтаксис*. 1978. № 2. С. 48—62.

Скарлыгина Е. Ю. В зеркале трех эмиграций: самоидентификация как проблема эмигрантского сознания // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 5 (93). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html>.

Скарлыгина Е. Ю. Солженицын и третья русская эмиграция (К вопросу об одной монографии) // *Вопросы литературы*. 2009. № 4. С. 381—406.

Скарлыгина Е. Ю. «Континент» и «Синтаксис»: к истории конфликта // *От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова*. М.: НЛЮ, 2011. С. 550—569.

Скарлыгина Е. Ю. Без гнева и пристрастия // *Вопросы литературы*. 2013. № 3. С. 453—460.

Солженицын А. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 1998. № 9. С. 47–125.

Цели и смысл диссидентства: Беседа Н. Бокова с А. Синявским // Русская мысль. 1979. 11 января.

НА FSO (Historisches Archiv Forschungsstelle Osteuropa). Bremen. F. 2 (Maksimov V. E./Kontinent).

References

Bokov, N. and Sinyavsky, A. (1979). The purposes and intent of the dissident movement: N. Bokov's talk with A. Sinyavsky. *Russkaya mysl*. (In Russ.)

Egides, P., Maksimov, V., Sinyavsky, A. (1993). 'Beneath Law's trusty canopy...'. *Nezavisimaya Gazeta*, 16 Oct. (In Russ.)

Glad, J., Sinyavsky, A. and Rozanova, M. (1986). Anti-westernism under the current circumstances is the anticulture. Interview of Professor John Glad with Andrey Sinyavsky, the writer, and Maria Rozanova, the editor of the journal *Sintaksis. Vremya i My*, 88, pp. 144-167. (In Russ.)

Glad, J., Sinyavsky, A. and Rozanova, M. (1987). Literary encounters. Interview with A. Sinyavsky and M. Rozanova. *Strelets*, 11, p. 43. (In Russ.)

Maksimov, V. *Maksimov V. E. / 'Kontinent'*. [documents] Historisches Archiv Forschungsstelle Osteuropa, F. 2. Bremen. (In Russ.)

Matich, O. (2014). The third wave literature: borders, ideology, language. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 3 (127), pp. 313-338. (In Russ.)

Sinyavsky, A. (1978). Saying the names (commentary). *Sintaksis*, 2, pp. 48-62. (In Russ.)

Skarlygina, E. (2007). From the archive of the journal *Kontinent*. *Voprosy Lliteraturny*, 2, pp. 307-337. (In Russ.)

Skarlygina, E. (2008). In the mirror of three emigrations: self-identification as a problem of émigré consciousness. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, [online] 5(93). Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html> [Accessed 20 Apr. 2018]. (In Russ.)

Skarlygina, E. (2009). Solzhenitsyn and the third Russian emigration (on a certain monograph). *Voprosy Literaturny*, 4, pp. 381-406. (In Russ.)

Skarlygina, E. (2011). *Kontinent* and *Sintaksis*: Background to the conflict. In: A. Lavrov, O. Lekmanov, eds., *From Kibirov to Pushkin: A collection in honour of N. A. Bogomolov's 60-th birthday*. Moscow: NLO, pp. 550-569. (In Russ.)

Skarlygina, E. (2013). Without anger or bias. *Voprosy Literatury*, 3, pp. 453-460. (In Russ.)

Solzhenitsyn, A. (1998). The corn was punctuated between two millstones. Essays on exile. *Noviy Mir*, 9, pp. 47-125. (In Russ.)

Andrey Sinyavsky and Vladimir Maksimov: Towards a history of the polemic

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-3-199-217

Elena Y. Skarlygina

Candidate of Philology

Lomonosov Moscow State University

(9 Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia;

email: scarlygina@yandex.ru)

Abstract: The article discusses the complex relationship between the editors of the main third-wave of Russian émigré journals, V. Maksimov (of *Kontinent*) and A. Sinyavsky (of *Sintaksis*). Based on the correspondence preserved at the Osteuropa Institute of Bremen University, the author argues that this conflict was driven not only by professional or ideological disagreements, but also personal motives. In addition, the letters suggest a third party to this relationship: A. Solzhenitsyn, who would impress his rather strict demands and ideas for running the journal on *The Continent's* editor.

Keywords: V. Maksimov, M. Rozanov, A. Sinyavsky, A. Solzhenitsyn, *Kontinent*, *Sintaksis*, the third wave of Russian emigration.

The article was received on 4 September 2017.